

Бабий баловень вывалился из седла от неожиданного удара по голове кастрюлей с кашей

КОТЕЛОК

ЕЕ В ПОЛКУ звали Котелком, и она с этим примирилась, не видя в том никакого унижения.

Один бабий баловень, пригараив на лошади, с ходу ухватил ее за грудь. И тут же вывалился из седла от удара по голове котелком с кашей. С того времени и закрепилась за девушкой эта кликуха — Котелок.

Поднять руку на офицера! Да за такие дела на фронте в штрафную попадают. Но кто, если он настоящий мужик, станет позориться: случай, объяснял незадачливый ухажер сотоварищам, играли, дескать, да заигрались. Да и что с того: кастрюля — не пуля.

Словом, не подал виду, но все ж обиду затаил. Состояв в начальстве, пристроил девушку в похоронную команду, где здоровенные бойцы еле управлялись. Полк вел бои в Карелии, где болот полон рот, а там, где сухо, — не то что лопатой, кайлом не управившись долбить каменную почву... А фашисты, которых наши части уже теснили к Берлину, жестоко сопротивлялись. И пули с нашей и их стороны собирали обильную жатву. Она уже и плакать отвыкла, прощаясь с теми, с кем еще недавно весело болтала в затишье или рассказывала о себе, как угодила в такую мясорубку.

Сама напросилась, прибавив годков. А так жила бы себе в Биробиджане, по ягоды бы ходила, по грибы. И замуж запросто могла выйти, и уже в эту пору с мальцом носиться. Лейба, кудрявый такой малый, ой как за ней ухлестьвал. Но так случилось: весть пришла горькая. Брата родного, на год ее старше, при взятии города Орши насмерть подкосило.

Вот ведь как получается. Чего только про евреев не сочиняют придурки. И одно такое присловье особенно больно их задает. Если, дескать, воюют, то стреляют из кривого ружья, чтобы за углом уберечься. Зоя, пора назвать ее настоящее имя, этого не слышала. А если бы кто при ее норове что-то вроде этого намекнул, то и язык бы прикусил.

Словом, она, как только дома прочла похоронку, забросила учебники за пещку — и ринулась в военкомат. Но там получила от ворот поворот. «Сопливая еще, — сказали, — без тебя найдется кому воевать. К тому же, слабого пола, а у баб лучше получается — рожать».

Нашли слабачку! Никому дома ничего не сказав, наша героиня поступила по примеру известной воительницы Дуровой. Остригла волосы, переделалась во все мужское и затесалась в вагон, отправлявшийся на фронт с новобранцами. Оказавшись в воинской части, сказала, что сирота с Брянщины, где у них сожгли дом и погубили всю родню. Этим разжалобила военное начальство, и ей сказали: «Черт с тобой — оставайся!» А он, как мы знаем, и так сидел в

КОЛАЖ ЮЛИИ КУДРЯВЦЕВОЙ

ней, частенько давая о себе знать. Этот случай по знакомому уже нам факту изменил ее планы. Хотела воевать, а приходится землю копать. Земля-матушка ее и выручила. Если это можно назвать спасением. При обстреле взрывной волной ее швырнуло в полуврыкопанную яму. Очнувшись, услышала музыку и рядом увидела еле различимые белые фигуры:

— Не иначе как в рай попала, — мелькнуло у нее в голове. Ощупав себя слабой рукой, с недоумением стала приглядываться.

— Все в порядке, фрау! — услышала она знакомую ей немецкую речь, — будьте, как дома.

По-домашнему, несмотря на любезное приглашение, чувствовать ей себя не пришлось. Слегка подлечившись в госпитале, поняла, что находится в плену, предстала перед теми, кто ее дожидался.

Штабной офицер приступил к разговору без обиняков.

— Ждем от вас, мэдхен, сведений о расположении вашей воинской части, — сказал он с акцентом. — Понимая свое положение, надеюсь, не будете упорствовать.

— Конечно, не буду, — усаживаясь в кресло,

сказала Зоя, — вот я и расположилась.

Офицер захохотал.

— О, вы, оказывается, шутница, — сказал он, вытирая платком мокрые от слез глаза, — ценю русский юмор.

— Ну тогда, — располагаясь поглубже в кресле, сказала Зоя, — я еще вас повеселю. Хотите, анекдот расскажу?

— Давайте, давайте, — согласился офицер, — анекдоты — моя страсть.

— Ну так слушайте. Я объясню, почему немцы не любят евреев. У вашего фюрера (при таком начале офицер поморщился, но промолчал: ему хотелось узнать, что будет дальше) была любовница, — уловив его гримасу спокойно продолжала Зоя. — Обнимая ее, он воскликнул: «Вот теперь вся Иудея у меня в руках...»

На этом Зоя сделала паузу.

— Ну и где здесь смеяться? — спросил офицер.

— А любовница ему в ответ: «Зато Германия у меня теперь в...»

— Что! — заорал офицер вскакивая. — Ах ты, сволочная жиловка. Ну, все — разговор с тобой будет короткий. Он схватил лежащий на

столе пистолет и направил его на Зою: — Говори: будешь отвечать на вопросы?

— Как бы не так! — дерзко ответила девушка вставая.

— Ну тогда пошли. Мы с тобой по-другому поговорим.

На дворе уже было темно. Офицер, все так же ступая позади девушки, подвел ее к оврагу. Но тут он сделал две ошибки. Во-первых, близко подошел к своей жертве, а во-вторых, не оставил в кабинете планшет. Зоя, оценив ситуацию, мгновенно ею воспользовалась: недаром, когда была свободна, пропадала у разведчиков. Офицер и ойкнуть не успел, как уже валялся в беспамятстве.

Как смогла девушка добраться с добытым трофеем — рассказывать не будем. Жива осталась — и то хорошо! Медаль получила за храбрость: сумка с документами стоила того. А главное — определили девушку к разведчикам, где в командирах был тот самый ухарь, давно залечивший шишку на голове.

Зоя была рада перемене. Она еще косилась на этого парня, но виду не подавала, а просто относилась к нему как подчиненная. Со своими ведь не повоюешь. Не та обстановка. Да еще когда возвращаешься с задания и напарника раненого тащишь на себе. Ему бы молчать, а он балагурить вздумал: «Вот, говорит, дождался — моя взяла. И пуля, слава богу, пролетела мимо того, чего ты так боялась».

— Поговори мне еще! — устало говорит в ответ Зоя, думая только об одном: как бы скорее добраться до своей части.

А далековато было. Замерзнуть могли. Да повезло. Встречная группа разведчиков помогла. Михаила — так звали этого шального командира — отправили в подмосковный госпиталь. И по совпадению, которые бывают раз в сто лет, с ранением в ногу сюда же поместили Зою. Пока их лечили, войне конец пришел. За это время и у них наступило перемирие. Да такое, что, выйдя из госпиталя, расписались. Михаил комиссовали по ранению. Работа нашлась в городке, где оба поправлялись. Но Михаил подумал-подумал и решил так:

— А поедем в Биробиджан. Судя по тебе, народ там неплохой.

Зоя, конечно, была в восторге. Дальше все пошло как по маслу. На новом месте все ладилось у обоих. Дети подросли и свои семьи завели. Наши герои дожили до глубокой старости и, словно в сказке, в один день покинули этот мир.

А котелок, положивший начало повествованию, куда не делся. Как повесили его на гвоздь рядом с панорамой военных снимков, так он там до сих пор висит. Кто его знает: а вдруг пригодится?

ВЛАДИМИР ПЕТРЕНКО.

Пища для незлобных пародий

УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ! На страницах «ММ» часто печатают стихотворные произведения местных авторов. Я радуюсь каждой удачной строчке, которая дает пищу для ума и, конечно, для незлобных пародий. Так как прежние три мои публикации пародий вызвали интерес у читателей и самих авторов, предлагаю четвертый цикл.

АЛЕКСАНДР ШАРАПОВ.

Провинциальные стансы

АЛЕКСАНДР ЕРОФЕЕВ

И восторгается спросонья подруга:

«Что за причуды?

Что ты все мечтаешь?

Чем ты испуган?..

Все — от простуды...»

И, разомлевшая в пекле перин,
комкает простыни...
«Все — от простуды...
Прими аспирин!»

Как это просто.

Огурчик от простуды

И восторгается спросонья подруга:
«Бабки гони!

Кончилось время — на ночь услуга.
Гаснут огни».

Вся покрасневшая под простыней
С температурой.
Судьба, повернувшись
однажды спиной,
Шепчет ей: «Дура!»

Мальчик твердит:

«Прими аспирин,

Все от простуды!»

Он не поймет, все скроет грим,
Обычные люди!

Что ты все мечтаешь,

мальчик зеленый

Малого роста?

Мне бы огурчик из банки — солёный.

Как это просто.

АЛЕКСАНДР ЕРОФЕЕВ

Как непосилен дар любви.

Как беден стих...

А свет мой все горит вдали —

An und für dich.

Небогато о любви

Как непосилен дар любви,

Как беден лексикон...

Из «Даля» я слова «доил»,

Но не помог и он.

Могучий, русский и родной,
Звучащий днём и «ношно»:
«Я вас любил, ...всех до одной».
Не то, бездушно, пошло.

Но я продолжил между тем:
Теперь уж по-французски?
Зарифмовал себе: «Жэ тэм»!
(«Я вас люблю» — по-русски).

Слова английские словлю,
Я все-таки поэт!
Вот получилось: «Ай, лав ю!»
Все тот же старый бред...
Души открою ворота
И на татарском сочини:
«Мин сине яратам» —
Сгублю я рифму на корню...

Нетленку все же я «родил».
Потомки труд мой подытожат.
Я горд строкой: «Я вас любил,
любовь еще, быть может...»

Живая рюмочка

ВЯЧЕСЛАВ ГУТНИКОВ

«ММ» от 29.12.2007

Все наши

за столом сидят,

кому сидеть охота...

Никто ни в чем не виноват —

такая здесь работа.

Теперь такая работа

Все наши

уж давно сидят,

лишь я один остался...

Их посадили всех подряд —

крутой «следак» достался.

Я прячусь

дома под столом:

кому сидеть охота?

Ведь я ни в чем не виноват —

издержки все работы!

Мы были

все при должностях,

погон на всех хватало.

Но передали в новостях:

мы брать помногу стали!

Все наши

за столом сидят,

сидеть им неохота...

Баланда, нары, стол, стульчак —

такая здесь работа.

Год Крысы

ВЯЧЕСЛАВ ГУТНИКОВ

«ММ» от 29.12.2007

Шутка

Родину спасала

и спасет наверняка.

Лучше крысам дайте сала

с добавленьем коньяка!

О святом

Шутка

Родину спасала,

с салом шутки не пройдут.

Коль давать всем крысам сало,

Крыс «хохлы» переведут!

Не шуты,

Не тронь святое,

Людам незачем страдать.

«Сало» — слово не простое,

можно Родину продать!

Это шутка —

крысам сало,

ни кусочка им, дурилкам!

Крысам что ни дай — все мало.

Сала дайте нам с горилкой!

Зима на носу

ДЕНИС КОНОВАЛЬЧИК

«ММ» от 29.12.2007

Прохожие мохнатые
свои носы попрятали
под норку, под бобра и под лису.
Хоть мой носик красненький
мехами не обласканный,
но у меня зима на носу.

Красный нос

Мохнатые прохожие
с укутанными рожами

все думают про лето и весну.

А я, судьбой затасканный,
морозами обласканный,
пригел я зиму на своем носу.

Ах, мой носик красненький,
от холода ужасненький
лиловеет, хоть я — не Дед Мороз.
Пойду приму я беленькой
из посуды мельничкой,
и посветлеет мой морковный нос.

ДЕНИС КОНОВАЛЬЧИК

«ММ» от 29.12.2007

Предрекают записные футурологи:
«Эй, поэты, ваши дни уже недолги.

Старомодные анапесты

и дактили

Вымрут разом,
как когда-то птеродактили...

Фрейдковский психоанализ поэзии

Выдвигается предположение:
У поэтов процесс возбуждения,

Состояние психического тока
И симптомы гипноидного потока.

Трещины душевного процесса,
Оттого, увы, потеря веса.

Детерминированы сцены:
Кто-то начал резать вены.

Предрекают записные футурологи,
Да пугают чудачки-уфологи.

Вымрут все же не поэты, а пророки,
Кто историю не учит и уроки.